

В конце концов он благополучно добрался до места назначения и успешно занял пост уездного начальника.

Что касается этого крайне отдаленного и дикого места, Цю Ибо отнесся к нему философски. Раз у него не было помощника, он сам взялся писать объявления – простым языком, крупными иероглифами. Не было стражников – нанял пару бездельников, одел их в форму, и те вполне сносно справлялись. Сам выходил к воротам, расклеивал объявления и целый день выкрикивал их содержание.

Такие места обычно контролировались местными влиятельными семьями, но он не спешил с этим разбираться. Просто заявил, что если у кого-то есть мелкие бытовые споры или семейные разборки, пусть приходят к нему – он разберет. Будто бы стал местным комитетом по урегулированию конфликтов.

...Комитетом?

Что это такое?

Цю Ибо отмахнулся от странного слова в голове, обосновался на новом месте и зажил спокойной жизнью – если не считать дамоклова меча, который в любой момент мог опуститься на его голову, вроде бы ничего не изменилось.

Постепенно местные знатные семьи начали проявлять к нему благосклонность. А когда он получил первую «отличную» оценку от Министерства чиновников, ему даже начали приходить письма от знатных девушек из Яньцзина. Они писали, что если он согласится, то пришлют брачные договоры и подарки, а затем, выбрав дату, отправятся в этот глухой край, чтобы стать его женами.

Но он отказал.

Официальной причиной была «непреодолимая тоска по прошлому», создавая образ глубоко чувствующего человека. Но... он сам понимал: с момента бегства до обретения твердой почвы под ногами, от противостояния с местными кланами до установления порядка – он редко вспоминал о Саньнян.

Поначалу думал о ней, но потом все реже. Лишь иногда, просыпаясь среди ночи или видя чью-то семейную идиллию, он вспоминал ее. Но эти мысли были как легкий ветерок – промелькнут, вызовут улыбку, и он снова отпускал их.

Говорить о себе как о глубоко чувствующем человеке – даже самому было стыдно.

Он всегда считал себя человеком страстным и преданным. Друзей у него было немало: с тех пор как он оказался здесь, у него появились несколько близких приятелей и десятков собутыльников. Друзья из Яньцзина, Лишаня и Хучжоу писали ему, присылали подарки. Он отвечал им искренними письмами и взаимными дарами. Но если говорить о постоянной тоске – этого не было.

Казалось, все чувства со временем угасали, становясь тонкими, как сон перед пробуждением. Проснувшись, он забывал о них, пока однажды случайно не вспоминал, что когда-то видел такой сон, и тогда снова отправлял что-нибудь в знак того, что не забыл.

Если бы они встретились вновь, возможно, он снова вспомнил бы былую привязанность.

...Возможно. Должен был.

Цю Ибо слегка улыбнулся и закрыл последний документ. Он не был хорошим чиновником, но и не был уж совсем пропащим казнокрадом. До «разоряющего уезды начальника» ему было далеко. Он просто старался, чтобы большинство людей могли худо-бедно прожить. В этих условиях быть честным чиновником – не для таких, как он, без связей и влияния.

Он занялся образованием: потратил часть своих «льדיстых и угольных» подачек, снял дом и нанял учителя-сюца. Жители уезда могли приходить, если хотели, или не приходить – как им угодно. Платить за обучение не требовалось, бумагу и кисти тоже не предоставляли. Кто мог – приносил свои, кто не мог – брал палку и чертил иероглифы на земле. Он и не надеялся, что из них выйдут сюцаи или туншэны – лишь бы не приходилось каждый раз орать у ворот ямэня, пока горло не заболит.

Но в итоге несколько туншэнов и сюцаев все же появилось. Это стало его достижением. Непонятно, что на них нашло – вместо того чтобы затвориться и учиться, они, как и он, набрали учеников. Читали книги сами и параллельно учили сопливых детей «Троесловию». На жалованье от властей и подношениях от семей учеников жили вполне сносно.

Он этого не понимал.

В последнее время он увлекся чтением романов. Один, про духовное совершенствование, был особенно интересен: история юноши, у которого похитили духовный корень, а затем он прошел через испытания, взлеты и падения, и в конце концов достиг уровня Хэдао. Он думал, что история закончится, когда главный герой станет Владыкой творения, но у автора не хватило совести – он заставил героя погибнуть на пике Хэдао!

Закончив читать, Цю Ибо в ярости стукнул по кровати кулаком и даже хотел разузнать, кто этот автор. Но, проснувшись на следующее утро, забыл об этом. Потом вдруг снова вспомнил, но уже не было желания тратить силы. Решил просто больше не читать книги этого автора.

Он нашел еще несколько романов, но ни один не сравнился с тем. Через какое-то время он перечитал его снова. Книга была написана простым языком, вся серия занимала более восьмидесяти томов, заполнивших целую полку. Если читать в свободное время, на один проход уходило полгода.

К третьему прочтению он знал сюжет лучше автора и наконец устал от него. Новых хороших книг не находилось, и, чтобы занять себя, он начал писать сам. Взял псевдоним, отправил рукопись, и теперь его роман уже дошел до десятого тома.

Черт возьми, вдали от императорского двора, если не думать о мести за украденную жену, жизнь была очень даже комфортной. Настолько, что ему хотелось остаться здесь навсегда.

Говорили, что Саньнян теперь живет хорошо: она – любимая наложница, родила Девятого принца, которого в два года пожаловали в Цинь-Ваны. Да и саму ее вот-вот возведут в ранг императрицы. Похоже, нынешний император продержится еще лет десять-двадцать, и кто знает, может ли ее сын в будущем занять трон.

Тесть постоянно писал, уговаривал отпустить прошлое. Если он женится, то сможет вернуться в Яньцзин. Хотя император и поступил опрометчиво, но явно не хотел его уничтожить. Если он забудет старую любовь, перед ним откроются возможности для карьеры и богатства.

А глядя на нынешнее положение Саньнян, выходило, что помнить об этом – хуже для всех.

[О? А разве некто не клялся «спать на дровах и пробовать желчь», копить силы, чтобы через несколько лет вернуться в Яньцзин и отомстить за украденную жену? Слова еще звучат в ушах.]

- Ты снова здесь, - Цю Ибо обмакнул кисть в тушь и написал на бумаге: «Его внутренний демон продолжал язвительно смеяться у него в ушах, надоедливый, как шут на сцене».

- Почему ты все еще здесь? - он подпер голову рукой. - Еще в Яньцзине мне следовало не лениться и пойти в храм Юйцин, чтобы найти мастера и уничтожить тебя.

[Почему я не могу быть здесь? Ты забыл о мести за жену?] - голос стал резким. [Ты просто жаждешь богатства и покоя, плывешь по течению! Ты трус!]

«Оно» ожидало, что Цю Ибо расвирепееет и начнет спорить. Но тот задумался, затем очень серьезно кивнул:

- Ты прав. Я забыл.

[Как великодушно! Но советую сначала прочитать письмо, прежде чем говорить такое.]

Цю Ибо замер, затем взял письмо, лежавшее в правом верхнем углу стола. Сегодня он забыл его прочитать.

Взглянув, он застыл. На конверте был знак, который он знал как свои пять пальцев. Каждая вещь, подаренная Саньнян, - одежда, коробки с едой - была отмечена веточкой цветущей магнолии.

Он развернул письмо. Внутри было три листа. Первый содержал простые слова: ей хорошо, прошлое - как дым, пусть забудет.

Второй и третий листы были двумя экземплярами соглашения о разводе, написанными рукой Саньнян. Оставалось только поставить его подпись и печать. На документах уже стояли печати императора, столичного управляющего и тестя - все формальности были соблюдены.

- Всего лишь развод, - помолчав, Цю Ибо усмехнулся. - Сколько людей разводились, разве все они пошли убивать семьи бывших жен? Разве такие люди не ужасны?

Он взял кисть, которую только что отложил, и подписал документ. Алые чернила легли на бумагу, а затем и его палец.

[Ты подписал?! Так просто?!]

[Она забыла тебя!] - голос завопил. [Она теперь занимает высшее положение среди женщин, наслаждаясь роскошью, будучи второй после императора! Она предала тебя!]

[Я скажу тебе больше: твоя драгоценная жена еще до свадьбы была в связи с этим псом-императором! Она не хотела во дворец и упростила твоего тестя заставить тебя жениться на ней! А потом металась между вами, вот и случилось это!]

[Посмотри на себя! У других - жены и дети, а у тебя? Если бы не она, ты бы сейчас был самым желанным женихом Яньцзина! Знатные девушки мечтали бы о твоём внимании! Ты мог бы стать великим человеком, войти в историю - это было бы проще простого! А теперь где ты? И где она?! Разве ты не ненавидишь?!]

[Мир так несправедлив к тебе! Почему ты не ненавидишь?!]

Цю Ибо странно посмотрел в то место, где, как ему казалось, находился «оно», и насмешливо сказал:

- Все это – моя жизнь. Почему ты так взволнован?

[...]

- Разве нет? Я – человек слабый, без принципов, плывущий по течению. Я сам это признаю. Почему ты так возмущен? – он поиграл печатью, затем опустил ее в чернила. – Ты не хочешь, чтобы я подписывал? Чего ты от меня ждешь? По старой схеме – помочь убить их?

- Но я счастлив, – он прижал печать к бумаге, и словно гора с плеч свалилась. Теперь, с подписью, отпечатком пальца и печатью, документ был завершен. Оставалось только отправить его обратно, и все было бы окончательно. – Кажется, я не так сильно любил Саньян, как ты думаешь.

- Она прислала развод, и я почувствовал облегчение... – Цю Ибо улыбнулся. – Знаешь, если бы она не прислала его, не сказала, что делает это добровольно, я, возможно, чувствовал бы вину. Я не мог защитить ее от похищения... Если бы она была несчастна, если бы ее заставили... Как муж, я был бы обязан отомстить.

- Но она сделала это по своей воле, и мне стало легко. – Цю Ибо откинулся на спинку стула, взял трубку и медленно затянулся. В легком дыму, заполнившем комнату, он произнес: – Так кто же ты?

- Я думал, ты – мой внутренний демон, как в тех романах.

- Но ты явно возбужден куда сильнее меня. – Цю Ибо сказал. – Внутренний демон, по идее, должен слышать мои мысли.

- Ты знаешь, о чем я сейчас думаю?

«Оно» промолчало.

Цю Ибо не стал настаивать, просто продолжил:

- Осенние клены прекрасны. В такой прекрасный вечер стоит позвать друзей выпить. У брата Вана есть несколько певичек – они красивые, я не против послушать их песни. Или Хайтан из труппы «Цинси» – он тоже хорош, я не против разделить с ним ложе.

- Я разведен, могу кутить и распутничать, а люди скажут, что я страдаю от любви и временно вышел из берегов. Никто не осудит. Здесь я – почти что местный царь. Могу делать что хочу, если не переступить черту.

- Могу убить пару человек. Могу спать с кем захочу, будь то мужчина или женщина.

- Вот о чем я думаю. Мне не нужно мстить за то, что меня не волнует. У меня больше нет жены, о которой нужно заботиться и перед которой я должен испытывать вину. Мне не нужно реализовывать амбиции. Ты правда думаешь, что я из тех, кто «печалится раньше Поднебесной»? Нет.

- Я обычный человек. Есть одежда, еда, деньги – и ладно. Если бы еще все было спокойно, и я

мог бы тихо дожить до старости - идеально.

- Поэтому сейчас я действительно свободен.

- Так кто же ты? - Цю Ибо повторил вопрос. - Ты не мой внутренний демон. То, о чем ты спрашиваешь, - не то, что я думаю, но что сдерживается моралью... Так кто ты?

- Ты возбужден больше меня, будто это с тобой случилась несправедливость. Но ведь это я - пострадавший. Могу ли я предположить... что ты - это я?

- Ты верил, что у тебя есть шанс на духовное совершенствование, поэтому, когда не нашел его и не смог принять реальность, запирался дома, а потом, изгнанный из деревни, жаждал мести, мечтая уничтожить всех.

- Ты любил Саньнян, поэтому, когда ее забрали во дворец, чувствовал себя преданным и жаждал мести. Ты был амбициозен, поэтому, оказавшись в этой глуши, в ярости хотел свергнуть династию и вернуть свою женщину.

- Ты узнал, что Саньнян предала тебя, осознал, что все, что тебе дорого, - просто игрушка в чужих руках, и захотел уничтожить весь мир, чтобы утолить свою ярость?

- Ты - настоящий «Цю Ибо», да? - он поднял глаза на холодное ночное небо за окном. Вдали алели клены, словно празднуя последний карнавал.

- Если ты - Цю Ибо, то кто же я?

Примечание автора:

ГГ еще далеко, пока не появится.

Кстати, Цю Ибо - попавший в книгу! Вижу, многие читатели говорят, что ему шесть лет. Но до попадания в книгу он был офисным работником, ему было за двадцать, а если считать шесть лет с момента перерождения - уже под тридцать. Его телу шесть лет, но «испытание сердца» проверяет именно сердце, а не тело.

Что касается ГГ, то он появится, только когда Цю Ибо начнет духовное совершенствование и достигнет определенного уровня. Сейчас... это же ребенок, что за извращения?!

<http://bllate.org/book/14686/1310272>